

почта актера

ДРУЗЬЯ МОИ, ЗРИТЕЛИ

В начале нашей беседы с народным артистом РСФСР Михаилом Глузским я высказала предположение, что, видимо, почта его огромна, если помнить количество ролей, сыгранных этим актером в кино, их резонанс у зрителей разных поколений... Ответ был таким:

— Большей частью письма приходят сразу после выхода фильма, где я играю. Ведь роль — это обращение к зрителям, тоже своего рода письмо, в котором хочется что-то сказать. Естественно, и ответы — самого разнообразного содержания.

Собственно, какой же актер не любит получать письма от зрителей — ну и я не исключение, конечно. Бывает, в конверте содержится сердитый зрительский разнос. Кто-то, например, не соглашается с поведением моего героя на экране и стыдит: «Как же вы, Михаил Андреевич, могли так поступить?» Случается, что зрители отговаривают от исполнения каких-то ролей. Помните, по поводу моего участия в фильме «Тайна двух океанов» зритель, с опозданием на два десятка лет посматривший его, прямо написал: «Пустая роль, не для вас».

Я никогда не сержусь на упреки и выговоры, понимая, что даже мои неудачи волнуют зрителей, что они ждут от меня создания образов, необходимых им. Вот что написала одна девушка: «У меня сложный характер, и как часто мне не хватает такого умного, нежного, всепрощающего дедушки, как ваш герой Сретенский в фильме «Монолог». Далее она спрашивала, может ли считать меня своим дедушкой, и я написал, что согласен.

— При вашей занятости ответить на все письма, наверное, нелегко?

— И все же я стараюсь ни одного не оставить без ответа. За редким исключением зрители берутся за перо не просто так. Однажды школь-

ник из Сумгаита написал: «Как с детских лет выступать в кино?» Ну, можно было указать адрес ВГИКа и приписать, что повзрослел, мол, до окончания школы. Но по какому-то лихорадочному тону письма я понял, что не адреса ему нужны, а теплое человеческое слово, жизненное напутствие, духовная поддержка. Вот так иногда приходится читать письма и между строк...

— А какие письма наиболее приятны вам?

— Те, в которых меня как исполнителя не разделяют с персонажем. При всей кажущейся наивности такого восприятия оно показывает, что роль удалась. А если при этом ты сыграл хорошего человека, то невольно воодушевляешься и сам на добрые поступки. Ведь не только зрителям, но и артисту хочется раздвинуть экран и заглянуть в закадровую жизнь героя, проследить, что же было с ним дальше. Творить добрые дела, продолжить жизнь персонажей — замечательных наших современников, шагнуть в их духовный мир!..

Бывает приятно, когда люди, к чьей профессии ты приобщился на экране, как бы принимают тебя в свою гильдию. В фильме «Месяц долгих дней» мне довелось сыграть роль доктора Званцева. И вот приходит письмо от врача, фронтовика в прошлом, преподающего в медицинском училище:

«Хочется получить от вас небольшое письмо-пожелание в адрес будущих медработников, наших студентов. Как мы были бы рады, чтобы себе в пример они взяли вашего героя! Если найдете у вас время, вдохновение и желание, то напишите нам».

И я с радостью выполнил просьбу «коллег».

Не могу забыть и об этом трогательном письме, которое получил доктор Званцев на мой адрес:

«Здрастуйте, Михаил Андреевич! Пишет вам Иван Родин из деревни Марфино, с вами я лично не знаком, хотя после фильмов «Первый снег», «По тонко-

му льду», «Места тут тихие» мы вас отличили, и стали вы у нас в семье близким человеком. В деревне у нас благодать, Она добрая, живи и радуйся, а я заболел. Во время войны меня в ногу ранило, и с тех пор все не проходит, и в санаторий путевку давали, и грязью лечили, отпустил, а потом опять начал болеть. Дали направление в городскую больницу, там консилиум назначили, чтобы разобраться, делать операцию или нет. Собрались на консилиум врачи, наш палатный врач им все объясняет и по ноге постукивает инструментом. Я терпел, а потом начал кричать, даже заплакал — как они не жалуют, ведь нас, инвалидов войны, так мало осталось! Ну, меня успокоили, решили операцию пока не делать, а просто подлечить. Вечером мы собрались телевизор смотреть и показывают фильм «Месяц долгих дней» — какого доброго, чуткого человека вы сыграли! Как мне хотелось бы попасть в вашу больницу и чтоб вы, доктор Званцев, меня лечили. Пошел я в комнату дежурного врача и говорю ей: «Не обижайся на меня, дочка, зря я на тебя утром накричал, обидел, пойдем, посмотри, как людей лечить надо, поучись у Михаила Андреевича. Будь добрей». А как поехал домой, прислал вам письмо написать и пригласил в гости, если время найдется. Семья Родины».

Порою связь экрана с жизнью выступает в еще более острой форме. В многосерийном телевизионном фильме «Соль земли», повествующем о прошлом и нынешнем богатейшего сибирского края, я играл роль охотника Лисицына. Всю свою жизнь этот человек был связан с тайгой, не уставая, охранив ее сокровища от бездумного и хищного пользования. И вот вскоре после того, как эта лента была показана по телевидению, я получил взволнованное письмо из Томска. Автор сообщил, что в дни демонстрации картины местная газета опубликовала заметку под заголовком «Не выполнен план по кедр», из которого можно было понять фактический размах рубки кедра. Зритель с горечью объяснял мне:

«Какие соображения руководят валкой кедра? Орех высоко ценится, из него делают лекарства, его легко собирать. Карандашная дощечка — это пятнадцать процентов от ствола, а остальные восемьдесят пять горят в топке в качестве чурок!»

— Значит, бывают случаи, когда актерская профессия обретает, так сказать, народнохозяйственное значение?

— Как видите. И эти примеры укрепляют гражданскую и нравственную стойкость в творчестве. Ведь автор письма обращается не столько к артисту Глузскому, сколько к воплощенному им на экране охотнику Лисицыну, деятельному борцу за сохранение окружающей среды.

Не скрою, что порой приходят письма с просьбами вмешаться в такие жизненные явления, справиться с которыми актеру не всегда бывает по плечу. Однако эта вера, пусть даже и преувеличивающая наши возможности, пусть даже и чрезмерно восторженная, все же в нелегкие минуты поддерживает и придает силы.

— Но в почте, наверное, все-таки преобладают отзывы о художественном уровне сыгранных вами ролей?

— Разговор профессиональный возникает, конечно, в переписке чаще. Причем благожелательность отношения не исключает, как правило, строгого, взыскательного взгляда. Одна зрительница написала: «С времени выхода на экраны фильма «Тихий Дон» я с интересом слежу за вашими работами». После «Тихого Дона» я снялся во многих картинах — разумеется, разных не только по характерам, но и по уровню исполнения. Можно предположить, что не все мои работы пришлись этой зрительнице по вкусу. Но мнение именно такого зрителя, внимательно следящего за творческим ростом актера, поворотами в его судьбе, спадами и подъемами, — его мнение особенно ценно.

Вот письмо из Златоуста: «Породнил нас экран — ваши роли, проявляющийся в них духовный мир, энергичное восприятие жизни». Человек, написавший это, в течение многих лет держит со мной связь, собирает вырезки из

газет и журналов о моих выступлениях на экране. Встречались мы и лично. Отраднее видеть, как отшлифовывается его вкус, тоньше и глубже становятся суждения о киноискусстве. На таких примерах постигаешь, как плодотворна в профессиональном смысле постоянная связь актера и зрителя, в какой степени наш творческий рост зависит от требовательности зрителя.

А вот это письмо из Ленинграда пришло в тот день, когда работа над ролью не клеилась, я устал, упал духом. И вдруг читаю: «Ваше искусство воспринимаю как часть своей жизни. Спасибо сердечное, что в своих работах вы не формальны и не фальшивы». Эти трогательные и вовремя подоспевшие слова крепко поддержали меня.

— Скажите, есть ли категория писем, на которые вы почему-либо вообще не отвечаете?

— Есть: на те, которые содержат просьбу прислать портрет с автографом. Сразу должен оговориться, что бывает исключение — людям, которых я с полным правом могу назвать своими давними друзьями, не откажешь. И фотографию подберешь поудачнее, и слова постарайся найти такие, чтобы были теплее и понятнее именно этому человеку. Если же просить, что называется, под копирку — стоит только моя фамилия, а сама просьба может быть обращена одинаково ко всем актерам, — то стоит задуматься, есть ли смысл отвечать?

Общезвестно, что есть любители собирать фотографии популярных киноактеров. Мне кажется — подчеркиваю, что это только мое мнение, — подобное занятие лишено особого смысла. Если коллекционирование, скажем, спичечных коробков можно мотивировать хотя бы интересом к искусству графической миниатюры, то чем объяснить пристрастие к кинопортретам? Любовью к кино? Но эти изображения

статичны и существуют вне ролей. Любовью к фотографическому искусству, которое часто заставляет желать лучшего? Но тогда почему сосредоточиваться лишь на кинозвездах и не собирать другие фотопортреты?..

Мне кажется, что вклеенные в альбомы или развешенные на стенах пестрые открытки с актерскими лицами ничего не дают ни уму и ни сердцу. Какие струны чувств они затронут, кроме «спортивного» удовлетворения от полноты коллекции? На какие размышления наведут, кроме суетливой мысли, где бы и как бы достать то, чего нет у другого? Можно ли, глядя на фотокартонку, разгадать суть актера, его внутренний мир?..

— О чем чаще всего в своих письмах спрашивают зрители?

— Просят рассказать, в каких ролях я в скором времени появлюсь на экране. Пользуюсь случаем, чтобы проинформировать своих корреспондентов, и сообщаю, что сейчас снимаюсь в фильме «Здесь твой фронт», который ставит на Свердловской киностудии режиссер Э. Гаврилов по сценарию Г. Бокарева. У моего героя фамилия Маркелов, он — потомственный кузнец «Уралмаша», потомственный рабочий. Съемки идут на самом заводе, где я встречаюсь с прототипами моего героя. Я стараюсь использовать каждую возможность, чтобы жизненными наблюдениями пополнить образ, описанный в сценарии. Главное, что обязательно нужно развить в характере героя, — это особую горделивость, чувство внутреннего достоинства и духовной силы, присущее рабочим людям, которых по праву мы называем основой нашего социалистического общества. Это столь любимое мною свойство характера я стремлюсь сделать доминирующим и объединяющим всех моих героев.

Беседу вела
А. ЛОКТЕВА.